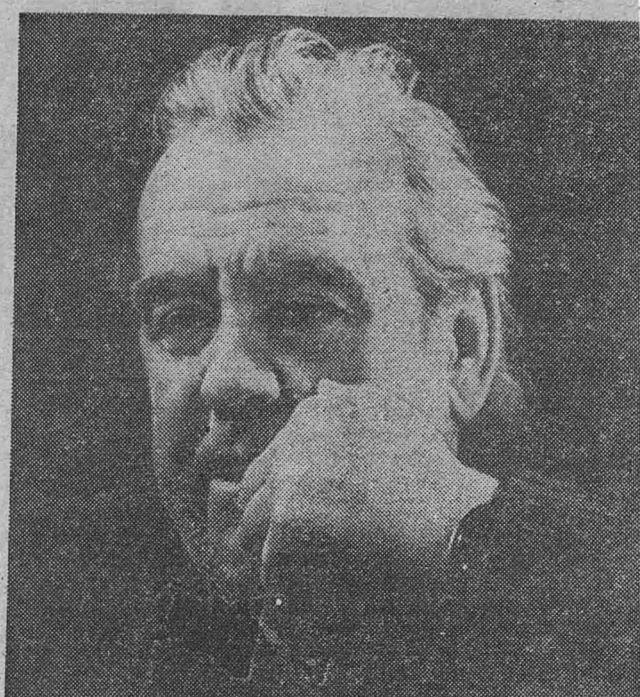

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЮБИЛЕИ

К 70-летию
Андрея
Гончарова

ОН!

Юбилей. Принято произносить торжественные слова. Ласковые слова. Наверно, это правильно. Должен же художник хоть раз в десять лет услышать о себе только приятное. И хотя бы на один вечер поверить, что он — выдающийся, самый выдающийся, что он внес... открыл... раскрыл... углубил... подарил нам... Что встреча с ним... всегда... радость открытия, ну и так далее...

Художники тоже люди и тоже любят, когда их хвалят.

А Андрей Гончаров действительно выдающийся. И с этим ничего не поделаешь. Выдающийся, и все тут. И признают это те, кто его любит, и которые не любят или делают вид, что признают. Потому что появляются спектакли, незаурядные спектакли, их даже за рубеж вывозят, скажем, в Англию, и в театре премьера за премьерой, и билеты не достать ни за что, и если тебе оставили пропуск, то это еще не значит, что тебе его отдадут. И самое главное, сегодня, когда чуть не все театры бурлят и артисты устраивают в них вооруженные восстания, в Театре имени Вл. Маяковского нет ни заговоров, ни скандальных собраний, никого не свергают, никого не травят — здесь работают. А когда люди просто хорошо работают, вот этому удивляешься больше всего.

Во главе этого театра — режиссер народный артист Советского Союза Андрей Александрович Гончаров. Первый раз я видел его на сцене, на нашей школьной сцене, и было это не то в тридцать четвертом году, не то в тридцать пятом. Словом, более чем давно. Помню, когда Гончаров появился, наши девочки замерли от восторга. Был он дивно хорош собой, да к тому же, казалось, очень высокого роста. Тогда все молодые люди еще не были длинными, и про таких говорили «дядя, достань воробышка!». Гончаров читал монолог, драматический, а может быть, и трагедийный. Про что монолог, о чем — честно скажу, позабыл. Но помню, главное, что читал он громко, даже очень громко. Уже тогда энергия ввалась из Гончарова наружу, энергия или темперамент.

И сегодня, когда Гончаров репетирует, по всему театру разносится его громкоговорящее, по всем фойе и по всем этажам! Голосу Гончарова тесно в огромном зале, ему требуется городская площадь и близлежащие кварталы. Гончаров не репетирует чинно, удобно устроившись в кресле. Будь это прогон, или не слишком важная сцена, или ввод артиста на роль в давно идущем спектакле, все равно — для Гончарова сейчас, в эту минуту, в эту секунду это вопрос жизни! Быть или не быть! И Гончаров вскакивает, шумит, пусть извинит меня юбиляр, кричит на артиста нехорошими словами; артист сделал что-то не так, и Гончаров ненавидит его и не скрывает этого. Но вот артист сделал то, что требовал режиссер, и сделал это удачно — и Гончаров уже любит этого артиста больше, чем самого себя.

А все, кто работает с Гончаровым, знают это. Поэтому, честно говоря, не обращают внимания на его окрики и разносы, и беготню, потому что понимают главное: Гончаров всегда точно знает — чего он хочет (скажем откровенно, для режиссера редкое качество). Не вообще знает, а конкретно, и в масштабе спектакля, и в масштабе данной сцены. Для Гончарова нет ничего проходного, маленького, ну,

незначительного. Он сжигает себя каждый день и требует этого от других. И поэтому жив театр — Московский академический театр имени Вл. Маяковского!

В спектаклях, вспомните, — тоже смело — гончаровского темперамента, сколько движения, как мало статичного, а точнее, вовсе нет статичного. Поэтому много лестниц, персонажи куда-то рвутся, откуда-то низвергаются. Это театр страстей... Внутри которого буйствует Художник! Он ставит долго, пока спектакль выйдет к зрителю, порою проходят годы. Гончарову все время что-то не нравится. Да, такой характер. Для окружающих трудный. Для постановочной части очень даже трудный. Нестерпимый. Но когда вспомнишь, сколько поставил Гончаров, то оказывается — очень много. И, что для наших режиссеров по крайней мере странно, много поставил советских авторов — тут Арбузов, Салынский, Боровик, Радзинский... Это только в последние годы. Зато моих сочинений сам не поставил ни одного. Это, конечно, его ошибка. И он, конечно, сожалеет. Особенно в день юбилея.

Правда, в этом театре шли наши с Рязановым комедии, но их ставили другие режиссеры. Но вот с «Родственниками» произошла такая история. Их благополучно завалил молодой способный режиссер, сам, кстати, неплохой драматург. И Гончаров взялся исправлять. И блестяще поставил все, что касалось героини спектакля Ирины (играла ее — и замечательно играла — Светлана Немоляева), и еще многое другое переставил! И шли «Родственники» более десяти лет! И вспоминаю я об этом потому, что на самом-то деле Андрей Гончаров режиссер комедийный. Не только потому, что он и в жизни разительно (и тоже громко!) смеется! И что у него хорошо с чувством юмора (что для режиссера тоже редкость!). У Гончарова есть уникальное ощущение соразмерности в комедийном смешном и серьезного, смешного и печального, смешного и очень смешного!

Тоже давно, в старом милом здании Театра Сатиры на площади Маяковского (потом в этом здании был «Советменник», а потом это здание снесли и теперь там пустое место) — так вот в этом помещении молсдой Гончаров превосходно ставил «Женитьбу Белугина», другие комедии, в которых имели оглушительный успех Виталий Доронин, Татьяна Пельцер, Павел Поль, Иван Любезнов... А потом в Театре Маяковского в «Банкроте» Островского открыл всем нам дарование Натальи Гундаревой. Открыл в комедии!

Сейчас Гончаров заканчивает постановку бабелевского «Заката». Это, конечно, классика. Но, хоть в пьесе юмора предостаточно, это все-таки трагедийная вещь.

Но что ставить режиссеру, когда у него уже почтенный возраст и получены все звания, которые были, есть и могут быть? Если, конечно, у режиссера имеются талант, задор, боевой задор, и силы? Режиссер должен хулиганить! Тотесть ставить комедии! Обжигать людей смехом! Заставлять их забыться в смехе!

...Звонишь Гончарову по телефону. В трубке слышен мужской голос.

— Андрей Александрович, это вы?

— Он!

Он всегда так отвечает, и невольно всегда улыбаешься.

Эмиль БРАГИНСКИЙ